

творцы ў нацыянальным аўтарскім меласе яскрава ілюструюць тры паўнафарматныя і якасныя альбомы Э. Акуліна: «Напачатку была песня» (2003), «Песні залатой Крывіі» (2008) і «Не магу жыць без крыл» (2012). Робячы агляд набыткаў паэта ў галіне музычнай творчасці, мэтазгодна выказаць наступнае: праймаючы ўсе сферы жыцця, беларуская бардаўская песня, такім чынам, мае ўсе правы заняць пачэснае месца ў якасці адметнага жанру літаратуры.

Спіс літаратуры

- 1 Рагойша, В. П. Літаратуразнаўчы слоўнік : тэрміны і паняцці / В. П. Рагойша. – Мінск: Нар. асвета, 2009. – 303 с.
- 2 Мартыненка, В. Кароль пачуццёвай лірыкі / В. Мартыненка // Не магу жыць без крыл... : песні / Эдуард Акулін. – Мінск, 2013. – 23 с.
- 3 Акулін, Э. А. Не магу жыць без крыл... : песні / Эдуард Акулін. – Мінск, 2013. – 23 с.
- 4 Акулін, Э. А. Напачатку была Песня... : выбраннае / Эдуард Акулін. – Мінск, 2013. – 31 с.

*УДК 821.161.1-343.5*А. С. Пушкин:2-135.3*

М. Д. Ткаченко

Научн. рук. – Т. Н. Усольцева, канд. филол. наук, доцент

ЗНАЧЕНИЕ ЧИСЕЛ В СКАЗКАХ А. С. ПУШКИНА

Статья посвящена закономерностям употребления чисел в сказках А. С. Пушкина в связи с их фольклорными мотивами. Рассмотрены значения чисел в рамках контекстов произведений, а также с точки зрения мифологической символики.

Серия из шести сказок, одна из которых была не окончена, была написана в 1830-х годах и стала результатом стремлений Пушкина к воссозданию народной поэзии, итогом постижения им мировоззрения крестьян, своеобразия их языка, а также народного творчества. В данном исследовании обратим внимание на числовую символику сказок как отражение фольклорной традиции.

В пушкинских сказках можно встретить все числа ряда 1–9, а также некоторые многозначные числа: тридевять, тридесять, 33, 50, 140, которые употреблены в единичных случаях и в какой-то мере

подчинены простым числам. В зависимости от произведения, то или иное число выступает на передний план, однако не исключает использования и других чисел. Рассмотрим наиболее употребляемые из них.

Число 3 является самым распространенным в сказках Пушкина. Оно встречается во всех произведениях этого цикла, так как является самым известным числом в народной культуре. Это первое число в целом ряде традиций; оно открывает числовой ряд и квалифицируется как совершенное число. Три – это не только образ абсолютного совершенства, превосходства, но и основная составляющая «мифопоэтического макрокосма» и социальной организации [1, с. 234].

В «Сказке о попе и о работнике его Балде» оно заключает в себе ключевое условие, плату за работу Балды: «В год за три шелка по лбу» [2, с. 497]. Три, как нарастающая мера, встречается и в считалке Балды: «Раз, два, три! Догоняй-ка...» [2, с. 500], и в поражении чертенка главному герою:

Приподнял кобылку, два шага шагнул.
На третьем упал, ножки протянул [2, с. 501].

Мотивом троичности наполнена вся «Сказка о царе Салтане»: три девицы, три мечты, три женщины окружали царя, три дня без еды, три раза царь Гвидон летал в царство к царю Салтану, три раза он кушал трех злоумышленниц, три чуда для него сотворила лебедь.

Числом 33 отмечены две сказки Пушкина: «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Сказка о царе Салтане». Как сюжетный элемент, это число встречается по одному разу в каждом из произведений: «тридцать лет и три года» старик рыбачил в море [2, с. 534] и «тридцать три богатыря» являлись чудом в царстве царя Гвидона [2, с. 521]. Если сравнить с числом 3, которое может употребляться как схожая характеристика различных предметов или явлений в одном художественном пространстве, 33, являясь суперлативом тройки, повторяется исключительно с одним и тем же понятием, которое наминается автором в неизменной форме. Так, в «Сказке о царе Салтане» тридцать три богатыря упоминаются шесть раз, а число три с различными объектами – десять раз.

В «Сказке о рыбаке и рыбке» старик рыбачил «тридцать лет и три года», три раза закидывал невод, перед тем как вытащить в нем рыбку. Зато желаний, загаданных старухой, было не три, как это обычно принято в фольклоре, а пять. Число 5 у Пушкина сопутствует отрицательным персонажам, и действие, осуществленное в пятый раз, приносит разрушение их коварных планов, поражение темной стороны. Старуха

после пятого желанья осталась у разбитого корыта [2, с. 540]. Разочаровывается в своих действиях злая царица из «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» после того, как в пятый раз задаст свой вопрос волшебному зеркалу [2, с. 556]. В противопоставление ее злым намерениям выступает обращение царевича Енисея к трем стихиям, которые помогают ему найти свою невесту [2, с. 553, 554]. Также число 5 встречается у Пушкина в его недописанной «Сказке о медведихе», единственный раз выступая буквально в тексте, но тоже принося негативный оттенок:

Вот тебе, жена, подарочек,
Что медвежия шуба в пятьдесят рублей,
А что вот тебе другой подарочек,
Трои медвежата по пять рублей [2, с. 504].

Приведенный выше отрывок является единственным отрывком в сказке, содержащим в себе числа, которые, тем не менее, употреблены гораздо более «концентрированно», чем обычно их использует автор. Главные два числа – это 3 и 5. Число пять возвращает нас к бытовой современности, расчету, противопоставляя его искренним чувствам и самоотверженности. Пять выступает и в форме двухзначного числа, увеличиваясь в своей силе. Оно несет в себе отрицательное значение, роковой исход события.

Число три имеет исключительно символическую наполненность: если обратить внимание на употребление мотива пятерки в качестве денежной единицы, имеющей в некоторой степени логическое оправдание, то трех медвежат у медведицы быть не может. Очевидно, что это распространенный мотив трех братьев или трех сыновей, но использованный в более раннем варианте, когда животные играли в сказках тотемную роль и служили переходной ступенью между языческой и христианской культурой. Пушкин мог употребить число «два» как более реалистичное и также несущее в себе мифологическую символику, но троичность настолько сильна в своем значении и настолько прочно держится в подсознании, что употребление именно этого числа делает текст более емким, мифологичным и приближенным к фольклорной традиции. Это подтверждает стремление Пушкина к обращению в «Сказке о медведихе» к традициям устного народного творчества, что нашло отражение в сюжете, языке, стилистике.

Следующие после числа 3 по частоте употребления в сказках Пушкина являются числа 1 и 2. Их суммарное количество одинаково,

но эти числа встречаются уже не во всех сказках, хотя в некоторых из произведений они достаточно ярко акцентируются. К примеру, в «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях» одиночество царевны противопоставляется окружающему ее пространству [2, с. 544, 547]; в ряде сказок единица используется в качестве временного отрезка (недели или года), играющего роль ключевого этапа развития событий. В сказках «О рыбаке и рыбке» и «О золотом петушке» единица в совокупности с порядковой, или противопоставленной единице двойкой выражают промежуток спокойного времени перед нагнетанием событий: «Вот неделя, другая проходит» [2, с. 537], «Год, другой проходит мирно» [2, с. 559]. Также единица выступает в виде порядкового числа, указывая на важность и значительность понятия, которое она характеризует.

Число два в пушкинских сказках выступает в трех функциях: как противопоставление единице (два зайца Балды соревнуются с одним чертенком [2, с. 499]; царь обнаруживает своих двух мертвых сыновей [2, с. 560]); как собирательное число («Просим оба разрешенья» [2, с. 527], «Оба мертвые лежат», «Оба наши сокола!», «Смерть обоим сыновей» [2, с. 560]) и как промежуточное звено в развитии действия, состоящего из трех этапов. Например, чертенок во время состязания:

Приподнял кобылку, два шага шагнул.
На третьем упал, ножки протянул [2, с. 501].

В этой же сказке число 2 можно встретить в считалке Балды [2, с. 500] и его расплате с попом [2, с. 502].

Семантика чисел 1 и 2 достаточно специфична. Эти числа можно рассматривать как по отдельности, так и вместе. Согласно утверждению В. Н. Топорова, единица означает, как правило, не столько первый элемент ряда в современном смысле, сколько целостность, единство. Число 2 лежит в основе бинарных противопоставлений, с помощью которых мифопоэтические и ранненаучные традиции описывают мир. Оно отсылает к идее взаимодополняющих частей единого целого, к теме парности. Характерно соотношение 1 и 2, в котором 2 выступает как символ противопоставления, разделения и связи, с одной стороны, и как символ соответствия или сходности противопоставляемых элементов – с другой [1, с. 234].

Число 4 встречается в «Сказке о попе и о работнике его Балде» в совокупности с числом 7, усиливая качества Балды, который «ест за четверых» и «работает за семерых» [2, с. 498]. В «Сказке о царе

Салтане» действия укушенных насекомым женщин описываются так: «Четырьмя все три глядят» [2, с. 524].

По мнению В. Н. Топорова, число 4 является образом статической целостности, идеально устойчивой структуры, в отличие от числа 3, которое символизирует динамическую целостность [1]. Поэтому ироническая характеристика четырех глаз придворных женщин имеет и некоторый оттенок неизбежности, абсолютной скованности действий царя.

Числом 7 буквально с названия отмечена «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях». В сюжете произведения это число встречается семь раз, а один раз представлено суперлативом. Так, помимо семи богатырей, это число описывает величину приданого молодой царевны:

Семь торговых городов
Да сто сорок теремов [2, с. 543].

140 равно удвоенному числу 70, которое, в свою очередь, является результатом увеличения семи в десять раз. У Пушкина это число носит аккумулятивный характер во всех сказках, где оно употребляется: Балда ест за семерых, время исчисляется неделями, семеро богатырей представляют собой могущественную защиту.

В. Н. Топоров предлагает рассматривать число 7 как сумму сакральных чисел 3 и 4 [1]. Выше было отмечено, что каждое из них представляет собой целостность, но с разных сторон ее проявления. Число семь объединяет эти понятия в своем обозначении и характеризует общую идею вселенной, константу в описании системы, или выступает как наиболее употребительное число, характеризующее почти универсально все, что исчисляется в мифопоэтическом космосе.

Исходя из особенностей употребления Пушкиным чисел в рамках сказочного контекста, можно сделать вывод, что фольклорная стилистика его сказок была воссоздана отчасти благодаря мифологическому значению чисел, чья символика прочно устоялась в русской народной традиции.

Список литературы

1 Топоров, В. Н. О числовых моделях в архаичных текстах / В. Н. Топоров // Исследования по этимологии и семантике / Т. I: Теория и некоторые частные ее приложения. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 226 – 272.

2 Пушкин А. С. Полное собр. соч.: в 16 т. / А. С. Пушкин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937 – 1959. – Т. 3. – 635 с.